

Всем, кто хоть раз мечтал летать

ДОРОГАЯ ВЕНДИ

ЛОНДОН, 1931

За окном детской парит мальчик. Словно звёздный свет щекочет ей кожу, нашептывая «он здесь», — и нечто в воздухе меняет самый его состав и плотность. Она просто знает — знает, как свои пять пальцев, и поэтому срывается на бег. За спиной о пол грохнул гребень; босиком, по ковровым дорожкам и доскам паркета, она проносится мимо комнаты мужа и бежит к дочери.

Это не просто какой-то мальчик, это *тот самый* мальчик. Питер.

По коже, захватывая все тело, ползут мурашки; нежные волоски на шее встают дыбом — эта буря таилась внутри слишком долго и теперь набирает силу. Питер. Здесь. Сейчас. После стольких лет.

Хочется вопить, но непонятно, что именно, и она только скалится, пытаясь отдышаться после бега. Это не гримаса, не улыбка — так дышат перепуганные дикие звери.

Дверь детской приоткрыта. На полу разлито лунное серебро — оно слишком яркое, будто этот свет долетел до Лондона из самого Неверленда. Венди наступает на границу пятна и заглядывает в комнату, ещё не в силах переступить порог.

Она не шевелится, только сердце колотится, как у кролика. Знакомый силуэт в ореоле слишком яркого сияния: взлохмаченный худой мальчик, руки в бока, грудь колесом, подбородок гордо задран кверху. Это, конечно, Питер — парит за окном второго этажа. Она моргает, но картинка остаётся на месте, а не исчезает, как обычно на протяжении долгих лет. За эти годы она превратилась из девочки в женщину.

Ну конечно: пусть даже дом не тот, в котором она выросла, но это всё же её дом. Разумеется, он её нашёл — именно *сейчас*. Здесь и только сейчас, с горечью думает Венди.

«*Нет, нет, пожалуйста, не надо*», — кричит другая её часть, но слишком длинные пальцы уже стучат по стеклу. Окно распахивается, не дожидаясь её разрешения. Питер влетает, и сердце Венди подпрыгивает и падает — всё ниже и ниже.

Раз пригласили — всегда рады, вот как он считает.

Питер не замечает, как Венди распахивает дверь. Он облетает комнату по кругу, а она мечтает только о том, чтобы дочь не проснулась, а язык смог отлипнуть от нёба. Венди стоит на пороге, колени дрожат и подгибаются. Он так легко влетел внутрь, а она в собственном доме не может пошевелиться, не может просто сделать шаг и войти в детскую.

Это нечестно. Всё, что касается Питера, всегда было нечестно, и со временем ничего не изменилось. Много лет она тосковала, она лгала и она ждала, и вот он прилетел.

Но не за ней.

Питер опускается в изножье кровати Джейн. Покрывало едва приминается под его весом — словно он не мальчик, а только пустая оболочка. Джейн начинает просыпаться, сонно трёт глаза — ее разбудило движение или свет из открытой двери. Венди хочет закричать, предупредить, но губы не слушаются.

— Венди, — говорит Питер.

Когда он называет ее имя, Венди снова превращается в девочку, готовую взлететь навстречу великим и прекрасным приключениям. Да только он смотрит не на неё, а на Джейн. Венди кусает изнутри щёку, чтобы не закричать. Он хоть представляет, сколько времени прошло? Красновато-солёный привкус наконец возвращает ей дар речи.

— Питер, я тут. — Она не кричит, как собиралась, слова вылетают рваным полушёпотом.

Питер оборачивается, сверкая глазами в лунном свете. Прищуривается. Сначала не верит, потом хмурится.

— Врёшь, — резко, уверенно заявляет он. — Ты не Венди.

В доказательство он указывает на Джейн, но женщина обрывает его:

— Нет, я Венди. — Она старается говорить ровно, но голос дрожит. Слышит ли он эту дрожь?

Нужно бы позвать мужа, Неда, который — раз не услышал, как она мчалась по коридору, — или погрузился в чтение, или уже спит над книгами. Это было бы разумно. В доме, в комнате их дочери — посторонний. Джейн в опасности. Но Венди сглатывает комок в горле и не зовёт на помощь.

— Это я, Питер. Я выросла.

Питер смотрит на Венди с насмешкой, которую та уже позабыла. Джейн растерянно переводит взгляд с одной на другого. Надо бы приказать ей бежать. Или заснуть снова, потому что всё это ей только снится. Но издевка в голосе Питера больно колет Венди, отвлекая от главного.

— Ну и зачем ты это сделала?

Кожу вновь покалывает, Венди бросает то в жар, то в холод. Этот надменный изгиб губ, блеск в глазах, зовущий на приключения, приказывающий соглашаться с любым его словом.

— Так бывает. — Голос Венди крепнет, злость вытесняет страх. — С большинством из нас, по крайней мере.

Питер. Здесь. Настоящий. Не безумная фантазия, которой она прикрывалась от мира. Венди наконец-то заходит в комнату — и время летит вспять. Броня, которую она годами полировала, чинила и укрепляла, идёт трещинами. На один кошмарный миг она забывает про Джейн. Венди жаждет только, чтобы Питер перестал смотреть так холодно, чтобы он взял её за руку и позвал — летим!

Но его рука покоится на бедре, подбородок задран, и он свысока разглядывает её со своего места на кровати. Венди делает ещё шаг — броня снова с ней. Ещё шаг — злость вскипает и вытесняет это желание, эти тёмные воды, скрытые под толстым слоем льда.

Венди прижимает руки к телу, чтобы не тянулись предательски к Питеру. Она больше не та девчонка с разбитым сердцем, которую он бросил. Она то, что сама из себя лепила годами. Она помнила правду, даже когда Майкл и Джон забыли. Она выжила, когда её заперли за её бред, вынесла уколы, успокоительные и ледяную воду, которые были призваны спасти её от неё самой. Она боролась и никогда не сдавалась; она просто отказывалась отпускать Неверленд.

Одиннадцать лет назад она в последний раз видела железные заборы и высокие стены лечебницы Святой Бернадетты, хмурых сестёр и жестоких санитаров. Это заведение должно было исцелить её, но Венди знала, что и не была больна. И вот оно, доказательство, стоит на кровати её дочери.

Венди выпрямляется, стискивает зубы и глядит Питеру прямо в глаза. Последние одиннадцать лет она выстраивала жизнь для себя, мужа и дочери. Она больше не потерянная страдающая девочка, и у Питера больше нет власти над этой новой Венди.

— Питер... — она слышит свой собственный голос — строгий, предостерегающий. Это голос матери, но не той, какой хотел бы её видеть Питер.

Но прежде, чем она успевает продолжить, Питер трясёт головой единым резким движением, стряхивая её слова, как отмахиваются от налетевших мошек. Он одновременно бесится и скучает.

— Ты зануда, — говорит он и изящно, плавно разворачивается. Он будто размывается, и Венди решает, что он собирается улететь, но тот хватается Джейн за руку. — Ну ничего. Я заберу эту Венди вместо тебя.

Питер подпрыгивает и вздёргивает Джейн в воздух. Джейн испуганно вскрикивает, Венди тоже откликается коротким воплем. Она не успевает добежать до них — Питер плывёт к окну, таща за собой Джейн. На бегу Венди падает, больно ударяется коленом и хватается за подоконник.

Кончики пальцев скользят по пятке Джейн и хватают воздух. Питер спиралью взмывает вверх с ребёнком на хвосте — такое ужасное и такое знакомое зрелище. Не слышно, зовёт ли Джейн маму — в ушах звенит зов Питера, заслоняя собой весь мир, и два детских силуэта растворяются в звёздном поле.

ЛОНДОН, 1917

— Где мы? — спрашивает Венди.

Машина, которую они наняли, тормозит у тяжёлых кованых ворот в живой изгороди, такой высокой и плотной, что за ней ничего не разглядеть.

Сквозь прутья виднеется длинная дорожка из щебня, ведущая к внушительному кирпичному зданию. Пустые глаза-окна неотрывно следят за посетителями. Джон вздыхает и коротко отвечает:

— Это лечебница Святой Бернадетты, Венди.

Не дожидаясь водителя, он выходит из машины, открывает дверь со стороны Венди и берёт её за руку — то ли помочь, то ли чтоб не убежала.

— Мы с тобой это обсуждали — помнишь доктора Харрингтона? Он тебе поможет.

Венди кусает щёку. Ещё бы она не помнила. Это братья забывают, а всё, что остаётся ей — это помнить. Но некая часть её натуры мелочно и ожесточённо требует, чтобы Джону пришлось как можно труднее. Пусть объясняет снова и снова, как решил бросить её здесь, свою чокнутую сестричку, как он умывает руки. Что бы сказали родители? Если бы мама и папа не поплыли на том чёртовом корабле, который считался непотопляемым до встречи с айсбергом, разве бы они позволили Джону и Майклу так обращаться с ней? Она не раз бросала ему в лицо этот вопрос и любовалась, как он корчится. Но, несмотря на это, он не колебался.

Джон поджимает губы — он делает так с детства, пытаясь выглядеть старше и серьёзнее. Только в Неверленде он вёл себя как ребёнок: играл в «делай как я», гонялся за Питером среди древесных крон. Летал. Почему он вообще решил всё это забыть?

Пока они идут к воротам, Венди рассматривает Джона сбоку — солнце очерчивает линии горделивого носа и твёрдого подбородка, играет на стёклах очков, не давая разглядеть глаза. Воевать его не взяли из-за плохого зрения, зато на него свалилось так много других забот — и Венди в том числе. Он так молод, ему всего двадцать один год — вчерашний мальчик, а спина уже согнулась, как будто он вдвое старше.

Он наверняка чувствует её взгляд, но не поворачивается. Неясная тревога потихоньку превращается в настоящий ужас. Джон в самом деле собирается так поступить; он действительно хочет, чтобы она покорилась.

Венди вздрагивает, как пойманная птичка, когда мужчина в белой форме с равнодушным видом открывает грохочущие ворота. Джону как будто не по себе, и на минутку Венди смягчается. Ему хотя бы хватило совести самому отвезти её в тюрьму. Майкл не поехал. Хотя с чего бы ему ехать? То, как она с ним обращалась, и стало последней каплей воды, переполнившей чашу терпения Джона. Она орала на Майкла, на своего младшего брата, а он и так вернулся с войны раненым и сломленным. Так что у Джона просто не было выбора — он должен был отправить Венди под надзор для её собственного блага, а главное, ради Майкла.

Венди отворачивается и от брата, и от мужчины в белом. Горло перехватывает. Если она ещё раз взглянет на Джона, она не выдержит, а ей хочется войти в тюрьму с гордо поднятой головой.

Чтобы отвлечься, она рассматривает окрестности. Когда-то давно вместо лечебницы здесь было красивое загородное поместье, и кое-что сохранилось с тех пор. По обе стороны дорожки тянутся изумрудные лужайки, спереди доходящие до живой изгороди, а по сторонам окружённые высокими каменными стенами. То там, то тут виднеются клумбы, раскидистые деревья, из травы поднимаются воротца для крокета и столики со стульями. Всё так безмятежно и красиво. Тут можно позабыть о войне, бушующей снаружи. Можно забыть и то, что лечебница Святой Бернадетты — просто клетка, но Венди не собирается забывать.

Как она ни старается, паника закипает внутри и словно проступает ожогами на коже. Может, ещё раз поговорить с братом? Если лгать с чувством, убедительно, вдруг он разрешит ей остаться дома и ухаживать за Майклом? Нога Майкла ещё болит — это из-за шrapнели, которая растерзала плоть, но сны ещё хуже. Его стоны по ночам будили и Венди, и Джона — Майклу

снилось, что он всё ещё в окопе или в госпитале, ждёт очередной операции перед отправкой домой. Если получится его поддержать, облегчить воспоминания, изгнать видения... может, даже сам Майкл со временем её простит.

Да нет, вряд ли. Братья, наверное, не замечали, но она *вправду* пыталась. И ничего не вышло. После гибели родителей она старалась стать им мамой, следить, чтобы оба были сыты и одеты. С ними жил дядя, который опекал их только на бумаге — ему не было до них дела. Это был мамин брат, и Венди до того видела его только один раз, когда была совсем маленькой. Дядя занимался лишь самым необходимым, остальное легло на плечи детей. Джон, вечно такой серьёзный, очень старался быть главой семьи, тащил на себе всю ответственность, какую только мог, и растерял по пути всё своё детство. Если он что-то и помнил после возвращения из Неверленда, то забыл в те годы. Он был всё-таки слишком взрослым, несмотря на свою юность, чтобы слушать дурацкие истории, играть в глупые игры и фантазировать.

Времени, чтобы оплакать родителей, ни у кого из них не было. Им его просто не дали. Дяде определенно не нравилось, если они горевали: любое проявление чувств считалось неподобающим поведением. Потом Майкл ушёл на войну и вернулся калекой. Невысказанные претензии между Венди и Джоном, между всеми тремя, только росли.

Следовало бы молчать и дальше, но правда вырвалась наружу. Венди не смогла удержаться, когда Джон взвалил на плечи всю тяжесть мира, а у Майкла в глазах поселились призраки войны. Дядя уехал, когда возраст позволил Джону в самом деле стать главой дома, и Венди хотела просто напомнить братьям о счастливых днях — так она думала. Только вот она кричала вместо того, чтобы спокойно поговорить. Она ругалась, тре-

бовала, чтобы с ней соглашались, не слушала возражений. Чем больше ей противились, тем громче она орала. И так, пока уже не могла остановиться, пока разговор не стал невозможен.

Ярость стала привычной, а Неверленд превратился в способ защиты. Чем сильнее братья пытались вернуть её в реальность, тем глубже она пряталась в их общее прошлое, укрывалась от их попыток всё отрицать, спасая сам Неверленд, и чем больше они забывали, тем чётче помнила она. Нет уж, Джон мог бы с тем же успехом попросить её отрезать руку или ногу: забвение было бы равносильно ампутации. Она не хотела и не могла отринуть Неверленд. Даже сейчас.

Венди замирает: по дорожке к ним идёт доктор Харрингтон, одетый, как обычно, с иголки. Невозможно отвести взгляд от его начищенных туфель: девушка даже дышит в такт его шагам. Белая щёбёнка хрустит под ногами, качается цепочка часов, поблескивая на солнце. Венди изо всех сил старается не встречаться взглядом с человеком, который запрёт её в клетке бог знает на сколько.

Шаги стихают, но она не поднимает головы. Рядом со сверкающими туфлями доктора Харрингтона появляются ещё одни, потёртые, попроще на вид — того мужчины в белой форме. Он стоит за плечом доктора, и в этом видится некая угроза, так что Венди помимо воли смотрит на них. Доктор оказывается на голову ниже этого человека, какого-то квадратного, с широкими плечами и аккуратной короткой стрижкой. Интересно, почему он не на войне.

На нагрудном кармане вышито имя: Джеймисон. Он замечает, что она разглядывает его, и кривит губы в уродливой усмешке. Венди вздрагивает. Становится ещё страшнее. Она ничего не сделала этому человеку, но Джеймисон как будто хочет навредить ей. Такие, как он,